CHRISTOlogisch

ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Постмодернистские риторические уловки

Проверять аргументы и различать значения

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЛОГИКА

Мыслить по Библии и вступать в беседу

www.christologisch.de

Примечание к переводу: Библейские цитаты и пересказы переведены с немецкого источника и не выдаются за текст определённого русского перевода Библии. Изложение мыслей Шекела и явно отделённое от него христианское применение сохранены. Английские специальные термины и транскрипции IPA оставлены без изменений.

Постмодернистские риторические уловки

Как Николас Шекел раскрывает языковые и аргументационные уловки и почему это важно для христианской апологетики

Аннотация: Постмодернистские высказывания об истине, знании, рациональности, языке и власти могут звучать чрезвычайно радикально и одновременно оставаться удивительно неуловимыми. В The Vacuity of Postmodernist Methodology Николас Шекел исследует именно этот феномен. Его тезис состоит не просто в том, что некоторые постмодернистские взгляды ложны. Он стремится показать, как их аргументационный эффект часто возникает благодаря многозначности, сдвигам смысла и переходам между сильными и слабыми тезисами. Его анализ особенно показателен там, где такие понятия, как «истина» или «знание», незаметно меняют значение. Для христианской апологетики отсюда возникает дальнейший вопрос: какие предпосылки истины, смысла и рациональности уже вынуждены использовать даже те, кто оспаривает их объективность?

Содержание

1. Почему постмодернистские аргументы так трудно ухватить

2. От банальных истин к стратегии motte-and-bailey

3. Когда «истина» внезапно означает нечто другое

4. Двусмысленные точки опоры: как понятия несут аргументы

5. Постмодернистский фокстрот: рациональность против рациональности

6. Когда релятивизм становится замкнутой системой мышления

7. Чему христианская апологетика может отсюда научиться

1. Почему постмодернистские аргументы так трудно ухватить

Некоторые философские тексты производят своеобразное впечатление: читая высказывания об истине, власти, языке, знании и социальном конструировании, поначалу чувствуешь, что перед тобой нечто чрезвычайно глубокое. Но стоит точнее спросить, что именно утверждается, как предмет становится удивительно неуловимым. Ещё заметнее это становится, когда критикуешь радикальное высказывание и затем слышишь, что в действительности имелось в виду нечто гораздо более безобидное.

Именно отсюда начинает Николас Шекел. Вместо того чтобы ещё раз лишь по отдельности опровергать постмодернистские позиции, он исследует повторяющиеся риторические и аргументационные механизмы. Его статья прямо называет пять таких приёмов.

Шекел выделяет пять особенно важных механизмов:

1. Банальные истины Тролла (Troll’s Truisms, /trəʊlz 'truːɪzəmz/): радикальные утверждения, скрывающиеся за банальностями.

2. Стратегии motte-and-bailey (Motte-and-Bailey Strategies, /ˌmɒt ən 'beɪli 'strætədʒiz/): переходы между сильным и слабым тезисом.

3. Двусмысленные точки опоры (Equivocating Fulcra, /ɪ'kwɪvəkeɪtɪŋ 'fʊlkrə/): двусмысленное употребление ключевых понятий, позволяющее по необходимости аргументировать с помощью разных значений.

4. Постмодернистский фокстрот (Postmodernist Fox-Trot, /ˌpəʊstmɒdənɪst 'fɒkstrɒt/): использование рациональности при одновременном отрицании её обязательной силы.

5. Радикально релятивизирующие поля мышления (Rankly Relativising Fields, /'ræŋkli 'relətɪvaɪzɪŋ fiːldz/): создание мыслительной среды, в которой объективные критерии всё больше исчезают.

Эти пять механизмов взаимосвязаны. Снова и снова встречается одна основная структура: два высказывания или значения близки по языку, но отнюдь не тождественны философски. Одно захватывающее и радикальное, другое непримечательное и легко защищаемое. Риторическая сила возникает благодаря тому, что сильное высказывание пользуется правдоподобием слабого.

> **Поэтому решающий вопрос не только таков: «Истинно ли это высказывание?» Нужно также спросить: «Продолжает ли на протяжении аргументации защищаться то же самое высказывание?»**

Именно поэтому анализ Шекела представляет практический интерес. Необязательно полностью прочитать каждого постмодернистского автора, чтобы распознавать определённые аргументационные ходы. Сначала нужно научиться внимательно смотреть:

- Какое утверждение действительно выдвигается?
- Какое понятие несёт аргумент?
- Остаётся ли его значение неизменным?
- Не начинают ли при критике внезапно защищать более слабый тезис?
- Действительно ли сильный вывод следует из того, что фактически было показано?

2. От банальных истин к стратегии motte-and-bailey

Банальные истины Тролла: когда нечто истинное должно доказать больше, чем может

Первый пример Шекела - высказывание о том, что сконструированное могло быть сконструировано иначе. В определённом значении это почти самоочевидно. Люди формируют убеждения, создают языковые значения и разрабатывают модели, с помощью которых описывают мир. Однако отсюда не следует, что поэтому сама действительность произвольно конструируется нами. Именно этот переход критикует Шекел.

Возьмём простой пример. Мы, немцы, называем определённый предмет «Baum», по-английски он называется «tree». Теоретически мы могли бы использовать совершенно другой знак. Отсюда следует:

- Слово выбрано людьми.
- Языковая классификация содержит условные элементы.
- Разные культуры могут по-разному называть одну и ту же действительность.

Но отсюда не следует:

- Дерево существует только потому, что мы его назвали.
- Его свойства создаются нашим словом.
- Языковое переопределение автоматически меняет сам предмет.

Завтра мы могли бы решить называть воду не «водой», а «жидкостью X». Тем самым мы изменили бы наш словарь, но не химический состав того, что пьём.

> **Мы можем изменить карту, не изменив тем самым местность.**

Именно здесь находится описанная Шекелом банальная истина. Слабое высказывание гласит: наши понятия, описания и убеждения создаются людьми. Сильное же высказывание гласит: следовательно, то, что истинно, и то, как устроен мир, конструируется нами и в конечном счёте произвольно. Второй тезис не получает обоснования просто потому, что первый очевидно верен.

То же можно показать на медицинских понятиях. Высказывание «То, что классифицируется как болезнь, отчасти зависит от человеческих понятийных систем» может быть вполне разумным. Медицинские категории развиваются, пограничные случаи переоцениваются, диагностическая терминология меняется.

Но необходимо различать:

- Люди классифицируют болезни.
- Люди разрабатывают названия болезней.
- Люди могут ошибаться в таких классификациях.

Это не то же самое, что:

- Люди создают болезнь своей классификацией.
- Болезнь существует только благодаря общественному признанию.

Вирус не исчезает оттого, что общество меняет его название. Нельзя утрачивать различие между нашим описанием действительности и самой описываемой действительностью.

Motte и bailey: сильный тезис и безопасное убежище

Эта структура приводит Шекела к его самому известному понятию: стратегии motte-and-bailey. Средневековый замок такого типа имел более привлекательную, большую территорию, bailey, и укреплённое, но менее приятное убежище, motte. Пока серьёзной опасности не было, пользовались привлекательной территорией. При сильном нападении отступали в motte. После нападения более привлекательную территорию можно было занять снова.

Шекел переносит этот образец на философские позиции:

- Bailey: захватывающая, сильная, далеко идущая, но трудно защищаемая.
- Motte: слабая, непримечательная, но легко защищаемая.

Возьмём сильное утверждение:

> **«Истина производится общественной властью».**

Это звучит революционно. По-видимому, речь о том, что общественные отношения власти не только влияют на убеждения людей, но в каком-то смысле определяют, что истинно. Если возникает возражение, можно отступить:

> **«Имеется в виду лишь то, что власть влияет на то, какие высказывания внутри общества признаются истинными».**

Это второе высказывание защищать значительно легче. Разумеется, институты могут влиять:

- на то, какие взгляды преподаются в университетах,
- на то, какие исследования финансируются,
- на то, какие высказывания распространяются в СМИ,
- на то, какие позиции пользуются общественным престижем,
- на то, какие убеждения подвергаются санкциям или вытесняются на периферию.

Но отсюда не следует, что власть создаёт истинность этих высказываний.

> **То, что люди считают истинным, не тождественно тому, что истинно.**

Ход motte-and-bailey действует столь эффективно потому, что оба высказывания тесно связаны тематически. Можно даже не заметить, что философски очень сильный тезис только что был заменён гораздо более слабым.

> **Радикальный тезис обеспечивает эффект. Безобидный тезис обеспечивает защиту.**

Проблема заключается вовсе не в том, что кто-то уточняет своё мнение. Кто осознаёт, что первоначальное утверждение зашло слишком далеко, конечно, вправе его исправить. Проблема возникает там, где более слабое высказывание отстаивают только во время нападения, а позднее вновь используют более сильный тезис.

3. Когда «истина» внезапно означает нечто другое

«Что истинно?» и «Что считается истинным?»

Вероятно, самая трудная часть анализа Шекела касается понятия истины у Мишеля Фуко. Проблема становится понятной, если строго разделить два вопроса:

- Что истинно?
- Что считается истинным внутри определённого общества?

Ответы на эти вопросы могут совпадать, но не обязаны. Представим авторитарное королевство. Король объявляет Землю плоской. Школы обязаны этому учить, противоречащие книги запрещаются, а профессора с иными взглядами теряют должности. Через несколько поколений большинство населения убеждено: «Земля плоская».

Теперь мы можем спросить о двух разных вещах.

Вопрос 1: Что считается истинным в этом обществе?

- Земля плоская.

Вопрос 2: Действительно ли Земля плоская?

- Нет.

Так становится видимым решающее различие. Политическая власть может добиться того, чтобы ложное высказывание общественно признавалось, преподавалось и даже защищалось от критики. Тем самым она обладает большой властью над убеждениями, но не властью изменить форму Земли в соответствии с официальной доктриной.

> **Власть может влиять на то, что считается истинным. Отсюда не следует, что власть определяет, что истинно.**

Особое употребление «истины» у Фуко

Именно здесь Шекел обращается к Фуко. Фуко описывает «истину» как упорядоченную систему процедур, посредством которых высказывания производятся, регулируются, распределяются и становятся общественно действенными. Возражение Шекела таково: если «истину» определять таким образом, речь уже не обязательно о том же, что мы обычно имеем в виду, говоря, что высказывание истинно.

Оба значения можно чётко разделить:

- Истина А: высказывание истинно, если утверждаемое им действительно имеет место.
- Истина В: общественная система производит, распространяет, регулирует и санкционирует определённые высказывания.

Об истине В можно проводить интересные исследования. Можно спросить:

- Кто решает, какие исследования считаются серьёзными?
- Какие институты обладают эпистемическим авторитетом?
- Какие убеждения общественно поощряются?
- Какие высказывания получают политическую поддержку?
- Какие позиции публично вытесняются на периферию?
- Какую роль в распространении убеждений играют власть, деньги и институты?

Все эти вопросы могут быть важны. Но сами по себе они пока не отвечают на вопрос, истинны ли распространяемые высказывания.

Где возникает впечатление философской глубины

Трудность возникает, когда «истина» переходит между двумя значениями. В случае истины А высказывание «Истина связана с властью» звучит чрезвычайно радикально. Оно словно глубоко утверждает, что даже сама истинность утверждения зависит от отношений власти.

В случае истины В это превращается в нечто гораздо более безобидное: общественные процедуры производства и признания высказываний находятся в общественных отношениях

власти. Это едва ли удивительно. Например, если правительство финансирует университеты, принимает законы и контролирует общественные институты, оно, конечно, влияет на общественные структуры знания.

Таким образом, два высказывания таковы:

- Сильное: власть производит истину.
- Слабое: власть влияет на общественные процедуры, посредством которых высказывания признаются истинными.

Второй тезис не доказывает первого.

Критика Шекела состоит именно в том, что читатель может получить впечатление, будто речь одновременно об обеих вещах. Обычное понятие истины обеспечивает философский драматизм, тогда как заново определённое значение предоставляет безопасное убежище при критике.

> **Решающий проверочный вопрос таков: говорим ли мы сейчас о том, что истинно, или о том, что люди и институты рассматривают как истинное?**

4. Двусмысленные точки опоры: как понятия несут аргументы

Что означает «Equivocating Fulcra»

Такие двусмысленно употребляемые понятия Шекел называет двусмысленными точками опоры (Equivocating Fulcra). Английское fulcrum обозначает точку опоры или поворота рычага. С помощью небольшой точки опоры рычаг может усиливать силу и изменять её направление. Именно в этом образ Шекела: благодаря двусмысленному переопределению простой риторический эффект приобретает видимость аргументационной силы.

Процесс можно представить в четырёх шагах:

1. Знакомое слово имеет обычное значение.

2. Для теории слову дают новое или особое определение.

3. Затем два значения перестают чётко разделять.

4. Выводы попеременно пользуются свойствами обоих значений.

> **Тогда философское впечатление возникает не благодаря новому знанию о той же вещи, а потому, что два значения одного слова незаметно переходят друг в друга.**

При этом важно: не всякая многозначность является намеренным обманом. Анализ Шекела касается аргументационной функции этой многозначности. Решающее значение имеет то, приобретает ли аргумент свой эффект благодаря отсутствию чёткого различения разных значений ключевого понятия.

Пример «знания»

Шекел исследует тот же механизм в социологии знания Дэвида Блура. Для своего социологического исследования Блур использует особое понятие знания: «знанием» там по существу считается то, что люди убеждённо отстаивают, на что ориентируют свою жизнь и что коллективно признаётся или институционально санкционируется. Шекел указывает, что это понятие отличается от обычного философского понятия знания.

Вновь можно различить два значения:

- Знание A: познание, которое действительно истинно и эпистемически может считаться знанием.
- Знание B: убеждение, которое коллективно принимается и общественно рассматривается как знание.

Эти категории могут совпадать. Научное сообщество может коллективно признавать нечто, потому что у него есть веские основания и его убеждение истинно. Но они также могут расходиться. Общество может коллективно «знать» то, что в действительности ложно.

Это создаёт существенную разницу в высказываниях вроде:

> **«Знание производится обществом».**

Что означает это предложение?

Если имеется в виду «знание B»:

- Институты влияют на то, какие убеждения признаются.
- Общества формируют традиции обучения.
- Авторитеты придают отдельным высказываниям особый вес.
- Группы решают, какие взгляды считать установленными.

Тогда высказывание правдоподобно.

Если имеется в виду «знание A»:

- Общественные процессы создают истинность убеждения.
- Коллективное согласие превращает утверждение в познание.
- Истинность положения дел возникает благодаря общественному признанию.

Тогда выдвигается значительно более сильное утверждение.

Именно поэтому необходимо спросить: какое значение «знания» сейчас несёт вывод?

Почему переопределения не являются собственно проблемой

Разумеется, философия и наука вправе определять специальные термины. Без точных определений научная работа едва ли была бы возможна. Переопределение становится проблематичным лишь тогда, когда теория затем рассуждает так, будто заново определённое понятие по-прежнему обладает всеми свойствами обычного понятия.

Если социолог прямо объясняет: «Под знанием в моём исследовании я понимаю общественно признанные убеждения», он может осмысленно исследовать:

- как возникают такие убеждения,
- как они распространяются,
- какие институты их стабилизируют,
- благодаря чему они приобретают авторитет.

Но тем самым ещё не выяснено:

- истинны ли они,
- почему они истинны,
- есть ли у общества веские основания для них,
- какие процедуры действительно дают надёжное познание.

> **Определение может установить, как слово используется внутри исследования. Оно не может простым установлением изменить действительность, о которой прежде говорили с помощью этого слова.**

5. Постмодернистский фокстрот: рациональность против рациональности

Можно ли аргументировать, что аргументы не имеют объективной силы?

Постмодернистским фокстротом Шекел называет ещё один переход. Некоторые постмодернистские позиции отрицают или релятивизируют объективно обязательные критерии рациональности. Рациональность тогда предстаёт чем-то исторически, культурно или общественно произведённым. Однако одновременно приводятся основания, критикуются противоположные позиции, выявляются противоречия и делаются выводы.

Это создаёт фундаментальное напряжение. Тот, кто аргументирует, по-видимому, по крайней мере практически предполагает, что не любое основание столь же хорошо, как любое другое. Он различает:

- релевантные и нерелевантные основания,
- корректные и некорректные выводы,
- точные и ошибочные возражения,
- противоречивые и последовательные позиции,
- правильные и неправильные изложения теории.

Упрощённый разговор показывает проблему:

> **А: «Не существует объективно обязательных рациональных критериев».**
>
> **Б: «Почему я должен этому верить?»**
>
> **А: «Потому что исторические исследования показывают: культуры имеют разные представления о рациональности».**
>
> **Б: «Значит, ты сейчас даёшь мне основание и ожидаешь, что оно действительно поддерживает твой вывод».**
>
> **А: «Но твоё требование объективно хорошего основания уже предполагает твоё собственное понимание рациональности».**

Теперь начинается движение туда и обратно. Когда приводят рациональные аргументы, рациональность словно обладает нормативной силой. Когда эта нормативная сила становится проблематичной, следует отступление к утверждению, что никакую объективно обязательную рациональность вообще не собирались предполагать.

> **Если основания имеют значение, аргумент против объективной рациональности тоже должен проверяться рационально. Если основания значения не имеют, почему следует принимать этот аргумент?**

Чего этим не утверждают

Возражение Шекела не означает, что всякая критика теорий рациональности внутренне противоречива. Люди могут спорить:

- о том, что составляет хорошее обоснование,

- о том, какие правила вывода корректны,
- о том, какие эпистемические нормы оправданны,
- о том, как культурные факторы влияют на мышление,
- о том, где кажущиеся нейтральными модели рациональности действительно имеют проблематичные предпосылки.

Трудность возникает лишь при гораздо более сильном тезисе: будто объективно обязательных рациональных норм вообще нет, тогда как собственную теорию одновременно предполагается выделять среди конкурирующих позиций с помощью аргументов.

Тот, кто говорит, что контраргумент неверен, неправильно понимает его позицию или содержит логическую ошибку, уже использует нормативные различия. Он говорит не просто: «Мне не нравится твой аргумент». Он утверждает, что с ним по существу что-то не так.

6. Когда релятивизм становится замкнутой системой мышления

Радикально релятивизирующие поля мышления

Согласно Шекелу, различные механизмы могут взаимно стабилизировать друг друга. Многозначности «истины», «знания», «объективности» и «рациональности» тогда образуют уже не изолированные проблемы, а связную мыслительную среду. Если одно значение критикуют, для его защиты можно привлечь другое двусмысленное понятие.

Поэтому Шекел описывает радикально релятивизирующие поля мышления. В такой среде возможно приблизительно следующее развитие:

- Истина всё больше связывается с общественным признанием.
- Знание связывается с коллективно принятыми убеждениями.
- Объективность подозревается в том, что она продукт определённых интересов или структур власти.
- Рациональность понимается как исторически или культурно произведённая.
- Критика этих взглядов, в свою очередь, истолковывается через те же категории.

Особенно проблематично, когда всякую возможную реакцию можно включить в собственную теорию:

- Согласие: ты распознал структуры власти.
- Возражение: твоё возражение показывает, насколько ты сам сформирован этими структурами власти.
- Логическая критика: ты лишь предполагаешь определённую модель рациональности.
- Требование объективности: якобы именно этим ты подтверждаешь критикуемую идеологию объективности.

Тогда возникает решающий вопрос:

> **При каких условиях теорию вообще ещё можно было бы распознать как ложную?**

Теория должна уметь различать две возможности:

- Мой критик ошибается.
- Мой критик обнаружил ошибку моей теории.

Если эти возможности больше нельзя разделить, позиция всё сильнее ограждает себя от критики.

Путь к абсолютному иррационализму

В качестве конечной точки Шекел описывает абсолютный иррационализм, при котором в конечном счёте любое утверждение было бы столь же хорошо, как любое другое. Эту конечную точку он считает самоопровергающейся. Даже осмысленный язык уже предполагает различие правильного и неправильного словоупотребления. Без таких различий, по Шекелу, у нас были бы уже не язык и мысли, а лишь звуки.

Возьмём предложение:

> **«Собака сидит перед домом».**

Чтобы оно вообще что-то сообщало, оно не может одновременно с таким же успехом означать:

- Луна сделана из сыра.
- Два плюс два равно пяти.
- Наполеон сегодня живёт в Берлине.
- Завтра будет дождь.

Общение предполагает, что слова не могут в каждый момент совершенно произвольно означать всё что угодно. То же относится к аргументации. Говорящий, что критик его неправильно понял, уже предполагает разницу между правильным и неправильным пониманием своего высказывания.

Поэтому радикальные релятивистские высказывания сталкиваются с характерными проблемами применения к самим себе:

> **«Объективной истины не существует». Объективно ли истинно это высказывание?**
>
> **«Общеобязательных рациональных критериев не существует». Следует ли мне принять это высказывание на рациональных основаниях?**
>
> **«Значения полностью нестабильны». Имеет ли это высказывание достаточно стабильный смысл, чтобы я мог правильно его понять?**

Тем самым отнюдь не опровергается всякая зависимость от контекста или языковое изменение. Конечно, слова меняются, человеческие перспективы ограниченны, а культурные влияния формируют наше мышление. Критика направлена против шага, радикализирующего эти наблюдения настолько, что в итоге разрушаются и предпосылки собственных утверждений и аргументов.

7. Чему христианская апологетика может отсюда научиться

Шекел предлагает аналитические инструменты, а не христианскую теорию познания

Николас Шекел в этой статье не аргументирует с позиции христианского мировоззрения и не разрабатывает пресуппозиционную апологетику. Поэтому следующее применение сознательно выходит за пределы собственной аргументации Шекела. Однако его анализ предоставляет инструменты, особенно интересные для пресуппозиционного исследования.

Ведь пресуппозиционная апологетика спрашивает не только:

- Истинно ли это конкретное высказывание?
- Корректен ли этот отдельный аргумент?
- Есть ли эмпирическое опровержение?

Она также спрашивает:

- Какие предпосылки уже должны действовать, чтобы это высказывание вообще можно было осмысленно сформулировать?
- Какое мировоззрение может обосновать истину, смысл и рациональность?
- Не живёт ли позиция за счёт предпосылок, которые сама отрицает?

Отрицающий объективную истину всё же хочет, чтобы его высказывание понимали точно. Релятивизирующий объективную рациональность всё же приводит основания. Проблематизирующий стабильное значение всё же ожидает, что критики не будут искажать его позицию.

Истина не является продуктом общественного согласия

Библия в конечном счёте укореняет истину в Боге и Его откровении. Иисус молится:

> **«Освяти их истиной! Твоё слово есть истина» (Ин 17:17).**

При этом христианское понимание вовсе не означает, что общественная власть не влияет на человеческие убеждения. Люди могут:

- подавлять истину,
- распространять ложь,
- институционализировать заблуждение,
- вести пропаганду,
- наделять ложное учение авторитетом,
- манипулировать понятиями,
- оказывать общественное давление на инакомыслящих.

Но всё это прежде всего касается отношения человека к истине. Саму истину это не создаёт.

> **Общество может институционализировать ложь. Оно не может сделать её истинной.**

Именно поэтому различие между «быть истинным» и «считаться истинным» столь важно. Заблуждение может быть мнением большинства. Оно может быть государственной доктриной. Его могут отстаивать учёные, СМИ или религиозные авторитеты. Ни один из этих социальных фактов сам по себе не отвечает на вопрос, действительно ли утверждение истинно.

Язык не изменяет действительность произвольно

То же относится к языку. В библейском мировоззрении человек не создаёт мир, называя его. Действительность предшествует ему:

> **«Всё возникло через Него, и без Него не возникло ни одно из того, что возникло» (Ин 1:3).**

Итак, человек находится в уже существующем порядке творения. Его понятия могут быть адекватными или неадекватными, высказывания истинными или ложными, классификации полезными или вводящими в заблуждение. Поэтому язык, безусловно, обладает властью, но

не властью создавать любую действительность по своему усмотрению путём простого переименования.

Можно:

- словесно затуманить положение дел,
- эмоционально нагрузить понятие,
- менять определения,
- объединять разные вещи под одним выражением,
- описывать один предмет разными понятиями.

Но отсюда не следует:

- что обозначаемая действительность становится произвольной,
- что противоречия тем самым исчезают,
- что ложные высказывания благодаря новым определениям становятся истинными,
- что сдвиг значения одновременно означает изменение предмета.

Четыре вопроса, распутывающие многие сложные аргументы

Из анализа Шекела можно получить простой способ проверки для апологетических бесед. Особенно в абстрактных дискуссиях об истине, идентичности, знании, конструировании или рациональности сначала помогают четыре вопроса:

1. Что точно означает ключевое понятие? Например, что означают «истина», «знание», «рациональность», «конструирование» или «власть» в конкретном высказывании?

2. Остаётся ли это значение одинаковым в ходе аргументации? Не употребляется ли «истина» сначала в обычном смысле, а позднее как обозначение системы общественного признания?

3. Есть ли сильный и слабый тезис? Не утверждается ли сначала, что общество конструирует истину, тогда как при критике защищают лишь то, что общество влияет на представления людей об истинном?

4. Применима ли критика и к собственной позиции? Если все притязания на истину якобы лишь социально обусловлены, относится ли это и к данному утверждению? Если рациональность не имеет объективной нормативной силы, почему аргумент в пользу этого должен рационально обязывать?

Эти вопросы не являются риторическими ловушками. Напротив, они также защищают собеседника от подмены его позиции. Если человек действительно отстаивает лишь слабое высказывание, ему не следует приписывать сильное. Но если он утверждает сильный тезис, его нельзя защищать одним лишь правдоподобием слабого.

Более глубокий пресуппозиционный вопрос

Здесь анализ Шекела ведёт к ещё более глубокому мировоззренческому вопросу. Истина, логическая различимость, языковой смысл и рациональная последовательность уже предполагаются в любой серьёзной дискуссии. Даже их отрицание, по-видимому, невозможно без их практического использования.

Релятивист должен различать:

- то, что он утверждает, и то, чего он не утверждает,
- правильное и неправильное изложение своего взгляда,
- хорошие и плохие возражения,
- согласие и возражение,

- понимание и непонимание.

Теоретически он может попытаться полностью релятивизировать эти различия. Но как только он говорит: «Ты неправильно понял мою позицию», он сам уже претендует на объективное различие между правильной и неправильной передачей.

> **Релятивист может отрицать истину, но, чтобы её отрицать, должен выдвинуть утверждение об истине. Он может оспаривать рациональность, но, чтобы нас убедить, должен аргументировать. Он может релятивизировать смысл, но должен ожидать, что мы поймём значение его слов.**

Поэтому христианская апологетика может сделать ещё один шаг. Ей не нужно рассматривать истину, рациональность и смысл как самостоятельные абстрактные величины, стоящие над Богом. Она может поместить эти предпосылки внутри мировоззрения, в котором правдивый, рациональный и открывающий Себя Бог создал действительность, а человек, как Его творение, получает познание.

Таким образом, статья Шекела не доказывает христианского мировоззрения. Не следует ей этого и приписывать. Однако она помогает обнаружить слабости определённых релятивистских стратегий и привести дискуссию к решающему вопросу: на каком основании вообще стоят наши притязания на истину и рациональность?

Заключение

Сила анализа Шекела состоит в том, что сложно звучащие рассуждения он сводит к нескольким сравнительно простым вопросам. Не нужно позволять специальному языку запугать себя. Решающее значение имеет чёткое различение утверждений, значений и обоснований.

Особенно внимательными следует быть, когда:

- неожиданный тезис выводится из очевидной банальной истины,
- при критике внезапно начинают защищать существенно более слабое высказывание,
- ключевое понятие меняет значение в одной и той же аргументации,
- объективная рациональность отрицается, тогда как одновременно аргументируют рациональным превосходством,
- критику теории в принципе можно истолковать лишь как подтверждение этой теории.

Тогда стоит задать самый простой из всех вопросов:

> **Что именно ты утверждаешь и остаётся ли это тем же утверждением, когда тебе приходится его защищать?**

Именно эта понятийная ясность рассеивает туман многих кажущихся глубокими аргументов. Не потому, что сложная философия подозрительна, а потому, что подлинная философская глубина не нуждается в скрытых сдвигах значения. Истину незачем защищать тем, что понятия в решающий момент начинают означать нечто другое.

Литература: Nicholas Shackel, The Vacuity of Postmodernist Methodology, Metaphilosophy 36 (2005), с. 295-320. Статья прямо исследует Troll’s Truisms, Motte and Bailey Doctrines, Equivocating Fulcra, Postmodernist Fox-trot и Rankly Relativising Fields.